

0 781035

На правах рукописи

Косяков Сергей Алексеевич

**Мечтатель и его трансформации в творчестве
Ф. М. Достоевского**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2009

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы,
теории и методики преподавания литературы
ГОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»

Научный руководитель : доктор филологических наук, доцент
Савинков Сергей Владимирович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Карпенко Геннадий Юрьевич

кандидат филологических наук
Молодкина Ольга Витальевна

Ведущая организация: **Удмуртский государственный
университет**

Защита диссертации состоится 25 ноября 2009 г. в 15 часов на заседа-
нии диссертационного совета Д 212.038.14 в Воронежском государственном
университете по адресу 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. № 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воро-
нежского государственного университета.

Автореферат разослан «23» октября 2009

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000606505

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.А. Бердникова

Общая характеристика работы

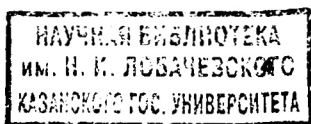
Несмотря на едва ли не всеохватный характер современной научной литературы о Достоевском, в творчестве этого писателя есть еще и малоизученные аспекты. Как это ни удивительно, но специально системно-типологическому анализу до сих пор не подвергался такой чрезвычайно значимый для Достоевского характер, как мечтатель (необходимо отметить, что кроме героев с *характером* мечтателя в творчестве Ф.М. Достоевского представлен Мечтатель – герой «Белых ночей», в самом имени которого содержится указание на его *типичность*). А между тем, этот персонаж по праву обладает статусом одной из ключевых фигур у Достоевского, и это право ему, прежде всего, обеспечивает его «долготельство». Однажды возникнув (в «Хозяйке»), мечтатель Достоевского пройдет череду трансформаций и вновь о себе заявит в «Подростке» – в романе, имеющем для писателя особое значение хотя бы потому, что в нем неожиданно обнаруживается та особая внутренняя связь с ранним творчеством Достоевского, которой нет ни в «Идиоте», ни в «Бесах», ни в «Братьях Карамазовых».

Степень разработанности проблемы. В научной литературе о Достоевском, можно встретить работы, посвященные типологическому исследованию героев Ф.М. Достоевского, такие, как исследования В.Г. Одинокова «Типология образов в художественной системе Достоевского» (Новосибирск, 1981), А.П. Белика «Художественные образы Ф.М. Достоевского» (М., 1974), Т.А. Касаткиной «Характерология Достоевского» (М., 1996), однако среди них нет ни одной специально посвященной герою-мечтателю. Пожалуй, единственное среди них исключение – работа А.А. Фаустова (в книге А.А. Фаустова и С.В. Савинкова «Очерки по характерологии русской литературы»), где мечтатель Достоевского представлен как характер, который, с одной стороны, унаследовал черты своих романтических пред-

шественников (в произведениях С.К. Аксакова, Н.И. Билевича, Н.А. Полевого и др.), а с другой, логически их развил и довел до отточено-итоговой формы выражения. Однако общетипологическая форма не дала возможности исследователю показать, как изменялась фигура мечтателя в творчестве писателя.

Впрочем, под тем или иным углом зрения о мечтателе в литературе о Достоевском сказано немало, но сказано именно «в связи» – к примеру, в связи с романтическими или с сентиментальными традициями. Наиболее обстоятельно пересечения с этими традициями раскрываются в монографии Э.М. Жиляковой «Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского» (Томск, 1989). Заслуживает внимания указание исследователя на сосуществование в раннем творчестве Достоевского двух типов мечтателей – сентиментального толка («Слабое сердце») и романтического («Белые ночи»). Так, повесть Ф.М. Достоевского «Белые ночи», получила не один, а два подзаголовка: «сентиментальный роман» и «из воспоминаний мечтателя». Эта двойность выразилась и в содержании: сентиментальная по происхождению история отношений Мечтателя с Лизой преломляется уже не через сентиментальное, а через романтическое сознание. А сама *Лиза* всегда у Достоевского будет «помнить» о своем карамзинском происхождении.

В научной литературе о Достоевском и о его герое-мечтателе можно выделить еще одно направление, условно говоря, – культурно-психологическое. Мечтатель в этом случае не просто герой, возросший на почве сентиментальной и романтической традиций. Мечтатель в этом случае – образ, имеющий архетипическую национальную основу. Одним из первых об этом пласте в творчестве Достоевского написал в своей известной статье К.К. Истомин («Из жизни и творчества Достоевского в молодости» в сборнике «Творческий путь Достоевского». Л., 1924). А затем эта линия продолжилась в работах В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского. Вслед

за К.К. Истоминым Е.М. Мелетинский увидит в «Хозяйке» масштаб, присущий национальному российскому космосу. И в этой перспективе герой «Хозяйки» предстанет как герой, спасающий не Катерину, а Россию: «Герой-мечтатель в борьбе за «царь-девицу», символизирующую русскую национальную душу, греховную, психически неуравновешенную, но рвущуюся к добру, не в силах вырвать ее из объятий порочного фанатика-старовера, демонического носителя зла...» (Е.М. Мелетинский. О литературных архетипах М., 1994. С. 88). То, что определяется Е.М. Мелетинским как «масштаб российского космоса», в свое время – в восприятии Вяч. Иванова – обрело даже мировое значение. В «Хозяйке», «Идиоте» и «Бесах» «Небесный посланец, каково бы ни было его имя, должен освободить Душу Мира» (Иванов Вяч. Эссе, статьи, переводы. Брюссель, 1985. С. 63).

На родство ранних мечтателей Достоевского с «подпольным человеком» также отчасти указывалось в исследовательской литературе (см. вышеуказанную монографию В.Г. Одинокова, а также работы Г.К. Щенникова «Достоевский и русский реализм» (Свердловск, 1987); С.В. Белова «Петербург Достоевского» (СПб., 2002), а также статью Н.В. Самсоновой («Филологические записки» (2004. Вып. 21), однако не было еще работы, в которой полномасштабно был бы сделан и следующий шаг, предполагающий рассмотрение «подпольного человека» и героя-идеолога как двух своеобразных трансформ мечтательного характера. Этими обстоятельствами и определяется актуальность данного исследования.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые комплексно определяются присущие мечтателю Достоевского типологические признаки, и на этой основе, выявляются произошедшие в структуре этого характера смысловые сдвиги, которые стали решающими для образования его трансформ – характера «подпольного» человека и характера «героя-идеолога».

Объектом диссертации стали те произведения (не только художественные, но и другого повествовательного статуса) Достоевского, в которых в той или иной форме герой идентифицируется как мечтатель. Соответственно, **предметом исследования** являются трансформации героя-мечтателя, а **материалом** диссертации такие произведения Достоевского, как «Петербургская летопись», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Нечотка Незванова», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Кроткая», «Подросток».

Цель исследования состоит в выявлении типологической основы и семантической конфигурации трансформ характера мечтателя, а также логики их модификации в творчестве Достоевского.

Данная цель реализуется в следующих **задачах**:

1. Выявить типологические признаки характера героя-мечтателя в раннем творчестве Достоевского.

2. Обозначены особенности семантической структуры характера «подпольного человека» в перспективе героя-мечтателя.

3. Обозначить особенности семантической структуры характера «подпольного человека» в перспективе героя-идеолога.

4. Определить роль и значение «идеологического» комплекса в структуре характере героя-мечтателя.

5. Определить роль и значение «мечтательного» комплекса в структуре характере героя-идеолога.

6. Рассмотреть характер мечтателя и его трансформы в сопряжении с категориальной парадигмой творчества Достоевского.

Методологию работы послужили труды отечественных и зарубежных литературоведов в области изучения философии и идеологии творчества Ф.М. Достоевского (М.М. Бахтин, В.А. Викторovich, А.С. Долинин, Г. Мейер, В.Л. Комарович, Б.М. Энгельгардт, П.М. Бицилли, Я.Э. Голосовкер, Г.С. Померанц, В.А. Свительский и др.), в области его историко-

литературных связей и отношений (Э.М. Жиликова, А.А. Фаустов, Р.Г. Назиров и др.), в области его архетипической образности (В.Л. Комарович, К.К. Истомин, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров и др.), в области характерологической типологии (А.П. Белик, Т.А. Касаткина, В.Г. Одинокоев, С.В. Савинков, А.А. Фаустов, Х. Блум и др.), в области изучения поэтики Достоевского (М.М. Бахтин, А.Л. Бем, А. Ковач, Р. Лахман, Н.Д. Тамарченко, Э.В. Викторевич и др.). В диссертации использованы историко-литературный, сравнительно-типологический и структурно-семиотический методы.

Положения, выносимые на защиту:

– «Подпольный человек» и «идеолог» являются результатом трансформации характера мечтателя, возникшего в раннем творчестве Достоевского.

– Сюжет мечтателя у Достоевского развивается по двум направлениям. Началом одного из них можно считать «Белые ночи» (и оно ведет затем к «Запискам из подполья» и к «Преступлению и наказанию»); началом второго – «Неточку Незванову» (и оно ведет к «Подростку»). Первое направление сосредоточено на раскрытии мечтателя с точки зрения его отдельности и исключительности; второе – на представлении мечтателя как порождения «случайного семейства».

– Мечтатель как «тип» («Петербургская летопись», «Белые ночи») обладает у Достоевского полемическим «антиромантическим» пафосом. Поданная в романтическом ключе исключительность мечтателя распознается и разоблачается как исключительность, лишенная подлинной индивидуальной основы, природы.

– Мечта о власти над жизнью порождается в душевном подполье. А само образование душевного подполья коренится в **обиде на жизнь** –

главной причине, обуславливающей отвержение человека от «живой жизни» и, соответственно, его превращение в мечтателя-идеолога. Подпольный человек – первый из героев Достоевского «мечтательной» гензалогии, в котором мечта, соединившись с обидой на жизнь, приобрела «безобразное» качество. Раскольников – первый из героев этой формации, который установил с изменившейся мечтой новые – рациональные – отношения.

– В отличие от Мечтателя и подпольного человека Раскольников – тот, у кого натура есть. Натура у Достоевского обеспечивает связь человека с действительной жизнью, с почвой и с Богом и одновременно – связанность всех его сущностных сил. Разрыв этих связей – следствие того, что человеком овладевает идея.

– Семантическая структура героя-идеолога может быть выражена формульным образом: герой-идеолог = обиженный на жизнь мечтатель + «разумный эгоист». Раскольников становится идеологом тогда, когда решается на то, на что не был способен ни один мечтатель, – осуществить «безобразную» мечту на рациональной платформе.

– Мечта, сопрягающаяся в элегической культуре с воспоминанием, у Достоевского соединяется с идеей, а идея – порождение рациональной культуры – обретает у него (в «Подростке») союз с чувством. И если тандем мечты и идеи в отношении к жизни оказывается взрывоопасным, то идея в соединении с чувством приводит к подлинному «художественному» постижению «живой жизни».

Теоретическая значимость работы заключается в освещении новых аспектов характерологии Ф.М. Достоевского.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в вузовских курсах истории русской литературы, введения в литературоведение, анализа и интерпретации текста, спецкурсах по поэтике Достоевского, в работе спецсеминаров.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде научных докладов на аспирантских семинарах факультета русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета, а также на конференциях «Эйхенбаумовские чтения – 5» (2008) и «На пути к русским литературным универсалиям» (2009).

Структура работы. Работа объемом 155 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 213 наименований.

Основное содержание работы

Во введении излагаются цели и задачи работы, определяется актуальность и новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, содержится краткая характеристика современного состояния разработки проблемы.

Первая глава посвящена анализу образа мечтателя в раннем творчестве Достоевского. Эта глава состоит из трех разделов: «Мечтатель как тип»; «Мечтатель и мечтательница: генезис индивидуальности»; «Мечтатель как «петербургский» тип».

В первом разделе этой главы герой-мечтатель характеризуется как тип не с точки зрения значения, приданного этому слову «натуральной школой», а с точки зрения его «внутреннего» толкования в раннем творчестве Достоевского. Семантический ореол этого понятия выявляется прежде всего на основе тех определений, которые вырабатываются в рефлексии «главного» героя-мечтателя этого периода – Мечтателя «Белых ночей».

В этом разделе подробно рассматриваются и персонажи-мечтатели таких произведений этого периода, как «Хозяйка» и «Слабое сердце».

Надо сказать, что в самом начале характер мечтателя был обрисован Достоевским не в художественном произведении, а в «Петербургских летописях». И многие черты этого *летописного* мечтателя были спроецированы на героев ранних повестей, хотя в различных сюжетных реализациях они (эти черты) высвечивались по-разному.

Мечтатель, прежде всего, – характер, абстрагированный от действительности. Как правило, он пребывает вне социальных связей и отношений. Мечтатель обладает в высшей степени развитой художественной восприимчивостью. Но одаренность эта – чисто абстрактная, лишенная, как сказал бы Достоевский, «беспрерывного самосозерцания в природе и насущной действительности» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах». т. 18. С. 34).

Место обитания мечтателей Достоевского – петербургские углы. Именно там порождаются на свет мечты, «мысли», «мыслишки» и «сокровенные идейки» героев.

Мечтатель – фигура исключительная. Однако такая исключительность – отнюдь не полнокровная исключительность индивидуальности, а то, что делает его для всех актуально живущих чужим, ненужным, неинтересным и незаметным и потому фатально одиноким. Одиночество мечтателей имеет прежде всего метафизическое измерение, а уже затем: «внешнее», социальное. Мечтатель фигурирует не как субъект жизни, а как субъект сознания и мечты.

Как и положено исключительной фигуре, мечтатель у Достоевского противостоит толпе. Но это противостояние, вопреки традиции, Достоевским подается с минусовым знаком. В отличие от отвлеченного от жизни мечтателя, толпа живет подлинной действительной жизнью. Пустынное однообразие мечтательского фантазийного существования («пугливая фантазия, раба тени, идеи», «уныла и до пошлости однообразна») противопоставляется ярко-пестрому разнообразию жизни толпы. И если собственно

романтический мечтатель стремился во что бы то ни стало себя от толпы отгородить, то мечтатель Достоевского, в конечном счете, нацеливается на другое – на то, чтобы как-то вписаться в толпу и найти в ней себе место. Однако сделать он это, как правило, оказывается не в состоянии: его существования сместилось на периферию жизненного пространства, откуда он не способен выбраться.

Мечтатель – тот, кто наделен «слабым сердцем». Мотив «слабого сердца» – сердца, не способного выдержать испытания свободой, станет в тексте мечтателя Достоевского сквозным и развернется в полной мере в «Поэме о Великом инквизиторе». Отсутствие *силы*, необходимой для того чтобы жить действительной жизнью, – еще одна наиважнейшая характеристика мечтательного типа.

Но если силы мечтателю не хватает, то прекраснотушия в нем предостаточно. Мечтатель мечтает о счастье всего человечества, но сам своего счастья никогда обрести не может. Главное событие «мечтательного» сюжета – фиаско, которое герой-мечтатель терпит в отношениях с героиней, и осмысливается оно как фатальная для него невозможность обрести реальное, действительное бытие и свою собственную *историю*. У мечтателя, как об этом говорится в «Белых ночах», нет истории, и нет ее потому, что нет у него такой включенности в жизнь, которая предполагает движение, развитие, изменение, сопротивление материальной среды. Тому, кому отказано и в том, чтобы меняться, и в том, чтобы быть деятелем, остается означивать свое существование в области мечты, воображения, литературности, книжности (как Мечтателю («Белые ночи»), Ордынову («Хозяйка»), Васе Шумкову («Слабое сердце»)), – в том семиотическом пространстве, которое располагается поверх действительной жизни и никак с ней не соприкасается.

Во втором разделе первой главы («Мечтатель и мечтательница: генезис индивидуальности») в центре внимания оказывается «Нечотка Не-

званова» – произведение, которое задает, как показывается в диссертации, особое направление в тексте мечтателя у Достоевского. «Неточка Незванова» представляет собой первую попытку Достоевского представить мечтателя не как готовую фигуру, а как фигуру **становящуюся**, и уже одно это обстоятельство не дает возможности такому персонажу стать типом в том значении этого слова, которое ему придал Достоевский в «Белых ночах». На формирование мечтательного склада Неточки Незвановой, девочки-**подростка**, оказывают влияние и события, и люди, и отношения – все то, что никоим образом не соприкасалось с мечтателем-типом.

«Неточка Незванова», как позднее и «Подросток», вносят новые обертоны в традицию семейного романа. Ведущей становится тема не просто семейства, а «случайного семейства». Особым образом здесь представлена отцовская линия. Именно отцовский комплекс рассматривается как решающий фактор в формировании мечтательного склада и в «Неточке Незвановой», а затем и в «Подростке». Двойственность в отношениях с отцом свойственна и Неточке Незвановой и Аркадию Долгорукому. У мечтательных подростков и в «Неточке Незвановой» и в «Подростке» и отцы – мечтатели. Мечтатель в начале жизни и в ее конце принципиально отличаются между собой. Так, несомненно, что Ефимов, отец Неточки, является у Достоевского первым наброском характера «подпольного человека».

В третьем разделе первой главы («Мечтатель как «петербургский тип») обозначаются характерные особенности в связях между городом и мечтателем. Петербургский текст русской литературы – тема, получившая всестороннее изучение в таких крупномасштабных работах, как: Анциферов Н.П. Непостижимый город (Л., 1991), Топоров В.Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы (СПб., 2003), Белов С.В. Петербург Достоевского. СПб., 2002; а также в работах Р.Г. Гальпериной более частного характера, посвященных топографии «Униженных и оскорбленных» или «петербургским мостам» Достоевского, и др.

Мечтатель Достоевского – порождение Петербурга. Неспроста писатель впервые о нем заговорил в «Петербургских летописях». Уже здесь между мечтателем и городом улавливается близкое родство. Петербург – *антропоморфный* город. В «Белых ночах» Петербург одновременно и фантастичен, и прозаичен, но таков и его герой. Образ Петербурга, доходящий в свое прозаичности до фантастичности, станет ведущим и в «Преступлении и наказании».

Петербург – город, который для его персонажей играет роль, подобную той роли, которую по отношению к Катерине исполняет в «Хозяйке» Мурин. Подобно Мурину, Петербург удерживает своих пленников всей мощью своей магнетической власти и, погружая героев в абстрактные идеи и мечты, лишает их возможности отличать реальное от ирреального.

В то же время Петербург оказывается для Мечтателя «Белых ночей» единственным близким «существом». Город-греза становится единственным близким знакомым для одинокого и грезящего наяву Мечтателя. Петербург – город-мареву и тогда, когда он ясно призрачен в белые ночи, и тогда, когда он погружен в мутность, дымность, мгlistость. В любом случае, его «атмосфера» никогда не предоставляет возможности *чистого* видения. Наделенный чувствительной мечтательностью человек всегда обьят в этом городе безотчетной тревогой. И эта безотчетность нередко и приводит его к сумасшествию. Однако только в этом городе, где созданы все условия для искаженного видения, можно и прозреть.

В «Записках из подполья» Петербург становится «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре» и порождает одного из самых «умышленных» героев в мировой литературе, мыслительный процесс которого не может остановиться.

В «Преступлении и наказании» внешний облик Петербурга утрачивает свою мечтательную легкость и обретает трушобную монументальность. Разнообразные трактиры, грязные улицы с бедным населением – все

это оказывает влияние на Раскольникова, который, впрочем, смотрится органично на этом петербургском полотне. В то же время не в самом устройстве города, но над ним по-прежнему витает дух сумасшествия, который, по словам Свидригайлова, отпечатывается и на существовании Раскольникова. Размытые критерии истинности проникают и в теорию Раскольникова.

В «Подростке» Петербург – вновь город-греза, город мечтателей. Подросток, оказывающийся в Петербурге, именно здесь чувствует свое единство с другими не лишенными мечтательной составляющей героями русской литературы (Германном из «Пиковой дамы», Скупым рыцарем). Именно Подросток – последний из мечтателей – смог отказаться от навязанной Петербургом морочной жизни ради живой.

Во второй главе – «От мечтателя к идеологу» – рассматривается переходная форма героя-мечтателя, т. е. тот случай, когда герой уже не мечтатель, но еще не полноценный идеолог («"Подпольный" человек: между мечтателем и идеологом»). Отдельно и специально рассматриваются характерологические черты героя-идеолога («Герой-идеолог как трансформация мечтателя»), а также освещается вопрос об «идеологической» и сюжетной связи фигуры мечтателя со «случайным семейством» («Мечтатель и его отец: на пути к *живой жизни*»).

В первом разделе второй главы («Подпольный человек: между мечтателем и идеологом») предметом исследования становится фигура «подпольного» человека и та тонкая перегородка, по словам современного исследователя, которая лежит между «мечтательством» и «подпольем» (см. вышеуказанную работу В. Г. Одинокова).

Несомненно, что подпольный человек имеет генетическую связь с мечтателями Достоевского. Однако мечтательство его все-таки принципиально иное – это «подпольное». Кроме того, у этого героя появляется и то, чего ранее у мечтателя не было, – идея, имеющая принципиально иное

отношение к жизни, чем мечта. Там, где идея, – там уже и мысль о ее воплощении и о силах, которые для этого необходимы.

Очевидно, что и причины отчуждения от жизни у «подпольного» человека уже иные. Первое, что отличает подпольного человека от мечтателя, это его обиженность на жизнь. Раздражающими факторами для него становятся все: от законов физики и математики («стены», в его терминологии) – до офицера, гремящего саблей, вследствие чего герой *идеологически* не может принять жизнь.

Другая причина невхождения в жизнь подпольного героя – поглощенность рефлексией, теоретическим отношением к жизни. *Усиленное сознание* разлагает любые основания для действия до бесконечности. *Мечта* и *сознание* в чистом виде выпадают из причинно-следственного мира, у них нет ни начала, ни конца. Мечта легко подхватывает на своем бреющем полете все, что встречает, она не знает необходимости, но это незнание лишает присущую ей свободу статуса подлинности.

Природа сознания сложнее. Сознание оказывается *сознанием причин*. Потому оно само вне причин. С другой стороны, оно порождено необходимостью. Страдающий подпольный человек не может не сознать. В то же время «подпольный» человек не верит в возможность отбросить *сознание* и начать жить «слепо», ведь с утратой сознания лишается смысла и жизнь.

Идеологичность является тем качеством подпольного человека, которое отделяет его от жизни. Все идеи, которыми оперирует в своих рассуждениях подпольный человек, суть *реакции* его самости на жизнь или на мнения оппонентов. И все новые, представляемые подпольным человеком идеологии являются *инерцией реакции*.

Как реакции на жизнь идеи внутренне зависимы от нес. И выходом из этой полностью охватившей подпольного человека «реакционности» и зависимости от жизни могла бы быть легкая, возникающая из резервов

души фантазия, подхватывающая жизнь в своем полете. И поэтому подпольный человек начинает мечтать.

Вместе с природой рационального, усиленно рефлектирующего существа в подпольном человеке уживается природа пылко тоскующего по жизни и деятельности мечтателя. Но дискретный ум подпольного человека не может долго вынести чувства общности, которое возникало в мечтательном состоянии. Невозможность начать жить и после мечтаний кроется в их порожденности *прошлым*. Совсем *готовая* деятельность, о которой мечтает герой подполья, может возникнуть из проекции *прошлого* опыта в будущее. При этом *настоящее*, в котором только и существует жизнь, исчезает. Идеи, как и мечты, бегут формирующейся, не определенной до конца действительности.

История отношений подпольного человека с Лизой аналогична таким же ситуациям-историям, которые случались в жизни ранних мечтателей. Непосредственное и наивное сознание Лизы оказывается куда ближе к пониманию правды жизни, чем изощренная литературно-книжная рефлексия подпольного героя.

Во второй разделе второй главы «Герой-идеолог как трансформация мечтателя» главным объектом описания предстает герой романа «Преступление и наказание» Родион Раскольников.

Раскольников – и тот, кто замыкает галерею персонажей-мечтателей у Достоевского и тот, кто открывает в его творчестве новый тип героя-идеолога. Раскольников становится идеологом тогда, когда решается на то, на что не был способен ни один мечтатель, – мечту *осуществить*, перевести ее в жизнь. Он первый из мечтателей, который увидел мечту в новом, *незнакомом* виде. В «Преступлении и наказании» это уже не идеи, которыми во множестве оперирует подпольный человек, а Идея, единственная, завладевающая волей героя, толкающая его к практическому осуществлению. Так происходит убийство Алены Ивановны и ее сестры. Этот факт

становится вообще первым свидетельством единства воли героя-мечтателя с его замыслом.

Однако после убийства Раскольников начинает все более и более убеждаться в том, что одного лишь математического расчета (пусть и наиболее точнейшего), на котором базируется уверенность в идее, недостаточно, чтобы рассчитать все последствия, к которым приводит действие «по идее» в действительности. Идея оказывается столь же абстрактной, далекой от жизни сущностью, как и ранее мечта.

Необходимо отметить, что в «Преступлении и наказании» идея действует как самостоятельный персонаж, к которому оказываются чувствительны множество персонажей. Воздействию витающих в воздухе идей в романе подвергаются не только мечтатель Раскольников, но и такие совсем не мечтатели, как Лужин и Разумихин. Как в идее Лужина, так и в теории Раскольникова перераспределение богатств и устройство большего числа частных дел – один из важных пунктов.

Герои-мечтатели (Нечочка Незванова, Мечтатель, Подпольный человек) становились у Достоевского авторами записок, которые, по сути, оказывались единственным способом их существования – существования на письме.

Раскольников не становится автором (хотя по первоначальному замыслу Достоевский хотел и Раскольникова сделать автором записок), и это обстоятельство следует считать принципиально важным. В отличие от ранних мечтателей Раскольников дается в связях и отношениях с другими персонажами, а для такой подачи нужна и другая, объективированная, форма повествования.

Итак, главный герой «Преступления и наказания» – не автор, но склонности к сочинительству не лишен и он. Его статья в юридическом журнале, по сути, станет таким же *сочинением для жизни*, как и теоретические выкладки подпольного человека.

Только на каторге к Раскольникову приходит осознание враждебности любой идеи всей полноте жизни. Так происходит отход героя от идейного мышления и начинается его движение навстречу *живой жизни* – окончательной цели эволюции героя-мечтателя Достоевского. Но сама встреча героя-идеолога с жизнью практически не изображается писателем, а лишь предрекается.

В данном разделе рассматривается также герой-мечтатель «Кроткой», который во многом представляет собой возврат к подпольному типу.

Свойственная тексту мечтателя повествовательная перспектива от первого лица сохраняется и здесь: герой вспоминает и *уясняет* смысл прошедших событий. По сути своей, этот герой представляет собой еще один извод мечтателя, гротескно сочетающий в себе черты и мечтателя, и подпольного человека, и идеолога Раскольникова, и практика Лужина, и сладострастника Свидригайлова.

Дьявольские коннотации связывают фигуру Закладчика, прежде всего, с традиционным сюжетом о закладе души. Закладчик, овладевая не ему принадлежащей вещью, на самом деле овладевает не вещью, а – посредством нее – душой того, кому эта вещь принадлежит. В этом сюжете – не раз обыгранном в романтической литературе – акт выкупления вещи выглядит как акт высвобождения и искупления души. Подобно Лужину, Закладчик исполнен «пресладострастной» для него мыслью о таком изошренном господстве над жертвой, при котором жертва (сама не подозревая, что она жертва) всю жизнь должна будет испытывать жертвенную благодарность к тому, кто предложил ей руку помощи в тот крайний момент ее жизни, когда идти ей было решительно некуда.

Но, поступая по-лужински, Закладчик одновременно поступает и не по-лужински потому, что с самого начала полюбил это кроткое существо. В отличие от *взлюбившего исключительно самого себя* Лужина, у Закладчика вместе с мечтой о любви к себе сочетается и мечта о любви к друго-

му. Закладчик – по природе своей мечтатель. Правда, теперь он не тот самый мечтатель из «Белых ночей», который не может удержать свою Настеньку, а такой, который, во-первых, взял на вооружение что-то вроде теории разумного эгоизма, а во-вторых, поставил свои мечтания на прочную материальную основу. Закладное золото мечтателя «Кроткой» должно обеспечить ему власть не только над Кроткой, но и в лице Кроткой над самой жизнью (обозначенная в пушкинском «Скупом рыцаре» связь золота и мечты приобретает у Достоевского новое смысловое наполнение). Мечта о власти над жизнью порождается (как и в случае с героем «Записок из подполья») в душевном подполье Закладчика. А причины образования самого душевного подполья коренятся в *обиде на жизнь* – факторе, играющем, по Достоевскому, роль первого толчка в сторону отвержения человека от «живой жизни» и, как следствие, его превращения в мечтателя-идеолога.

Закладчик не захотел половинчатого счастья (хотя оно шло к нему в руки), а Кроткая не согласилась на половинчатую любовь, потому что другой любви, после того, как была отвергнута ее открытая и полная любовь, дать не могла, и это осознание приходит к Закладчику у ее гроба. «Широкость», мгновенно привитая кроткому целомудренному характеру, потрясает его так, что он не выдерживает этого потрясения.

Впрочем, вопрос о том, почему Кроткая покончила жизнь самоубийством, остается открытым, и вряд ли таким, на который возможно получить полный и обстоятельно мотивированный ответ. Дело, в конечном счете, оказывается в другом. Любые умозрительные системы и любой мечтательный материал загоняют живое чувство в угол, а если оно все же пробивается, то пробивается не непосредственно, не прямо, а искривленно. И это искривление, которое только на мгновение способно задержать достижение живым чувством своей цели, может, как это и происходит в «Кроткой», привести к последней и ни чем не поправимой финальной черте. Подпольщик в финальной части рассказа выглядит не Мефистофелем (ес-

ли вновь подключиться к гетенианскому плану рассказа), а Фаустом, упустившим главное мгновение в своей жизни.

В третьем разделе второй главы («Мечтатель и его отец: на пути к *живой жизни*») главным предметом исследования становится герой романа «Подросток» Аркадий Долгорукий.

Как и Нечочка Незванова, Аркадий – член «случайного семейства», а это благоприятная среда для развития мечтательства. При этом Подросток не только ранний мечтатель, но и ранний идеолог. Он живет с идеей. Однако его идея несколько иного «качества», чем идея Раскольникова. Она, как и сам Аркадий, отличаются подростковой незрелостью, но именно это придает ей живой, чувствительный характер.

Если связь Раскольникова с действительностью была абстрактной, а жизнь служила полем для идейного эксперимента, то Аркадий Долгорукий соединен с жизнью через живые *чувства-эмоции*.

В жизни подростка-мечтателя (как это было и в «Нечочке Незвановой») важную роль играет отец, с которым у него всегда напряженные («от любви до ненависти») отношения. Будучи, как кажется Аркадию, одиноким, выброшенным из семьи, никому не нужным ребенком, он в своем уединении вынашивает свою собственную ротшильдовскую идею.

Однако активное участие в самых разных событиях способствует тому, что подросток начинает постигать идеи **общие**, имеющие непосредственное отношение к жизни. **Общая идея** оказывается у Аркадия (в его иерархии идей, которую он тщательно выстраивает) на самом высоком уровне, и там – между нею – этой высшей идеей – и самой «живой жизнью» уничтожается граница, на прежних уровнях их всегда разделявшая.

Живое участие в главном *со-бытии* предопределяет то изменение, которое происходит с Подростком со времени завершения романного действия до времени описания. Аркадий – мечтатель не застывший, но обновляющийся вместе с самой жизнью.

Подростку, как и другим своим мечтателям, Достоевский доверяет роль рассказчика. Однако перед нами рассказчик другого типа, не замкнутый, подобно Мечтателю или «подпольному» человеку, исключительно на своей личности. Поводом для записок Аркадия становится его потрясённость *случившимся*, а причиной – способность удивляться жизни. Этот новый повествователь смотрит на себя и на мир не из *подполья* и не из *надземных* высот, а изнутри самой жизни.

В Заключении подводятся итоги работы и определяются перспективы дальнейшего исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1. Косяков С. А. «Неточка Незванова» и «Подросток»: о генезисе *мечтателя* в творчестве Достоевского / С. А. Косяков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «филологические науки». – 2009. – № 7. – С. 191–194.

2. Косяков С. А. «Книжность» и «жизнь» в «Записках из подполья» Достоевского / С. А. Косяков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 119: научный журнал. – СПб., 2009. – С. 229–232.

3. Косяков С. А., Савинков С. В. Трансформации характера мечтателя в «Преступлении и наказании» Достоевского / С. А. Косяков // Аспекты литературной антропологии и характерологии. – Воронеж : Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2009. – С. 226–230.

4. Косяков С. А. Жизнь идеи в «Подростке» Ф. М. Достоевского / С. А. Косяков // Филологические записки. Вып. 28–29. – Воронеж, 2009. – С. 408–413.

5. Косяков С. А. Раздраженная мечтательность: о трансформации героя-мечтателя в «Записках из подполья» Достоевского / С. А. Косяков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 62–66.

Работы № 1, 2, 5 опубликованы в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов ВАК РФ.

Научное издание

КОСЯКОВ Сергей Алексеевич

**Мечтатель и его трансформации в творчестве
Ф. М. Достоевского**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 20.10.2009. Формат 60×84¹/₁₆. Печать трафаретная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,38. Уч.-изд. л. 1,3. Заказ 289. Тираж 100 экз.

Воронежский госпедуниверситет.
Отпечатано в типографии университета.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86.

20